

ДЕТЕКТИВНЫЙ
КОКТЕЙЛЬ

Елена Логанова

Подарок всем читателям!
Рецепт фирменного коктейля от автора!

СЕАНС
МУЖСКОГО
СТРИПТИЗА

Елена Ивановна Логунова
Сеанс мужского стриптиза
Серия «Индия Кузнецова», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181423
Сеанс мужского стриптиза: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26428-5*

Аннотация

Нормальные люди на даче отдыхают. А вот семейка девушки с необычным именем Индия снимает мистический сериал! Ужастики, которые пишет ее мамуля, решил экранизировать режиссер Смеловский, давний поклонник Индии. Итак, гример и по совместительству актриса Аня нарядилась в пеньюар, натянула белокурый парик, красиво встала на краю обрыва на фоне звездного неба, изображая лунатичку... и так же красиво полетела вниз, прямо на свалку, устроенную в овраге нерадивыми дачниками. Братец Индии, записной ловелас и сердцеед, бросился спасать актрису. Но перепутал в темноте и принес с помойки совсем другую девицу, причем неживую... Вот тебе и ужастик наяву!..

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Логунова

Сеанс мужского стриптиза

Глава 1

Славный сентябрьский денек заканчивался.

Одышливое красное солнце с треском ломилось к горизонту сквозь кусты ежевики.

Я наблюдала за светилом с непритворным сочувствием: с полчаса назад я точно так же ворочалась в колючих зарослях, пытаясь добраться до склада краденой обуви, который быстро и сноровисто устроил в ежевике Лютик.

Коллекция лишенных пары спортивных башмаков, которую уволок с крыльца дачного домика азартный трехмесячный питбуль, напоминала обувной склад какого-нибудь одногого пирата. При этом Лютик с поразительным упорством охотился в первую голову на мои собственные кроссовки, тапки и шлепанцы, предпочитая их башмакам всех других членов семьи и наших гостей, которых в данный момент было немало.

На даче отиралась целая толпа народу. Я сама – приятная во всех отношениях девушка Индия Кузнецова, мой брат Казимир, известный в узких кругах широкой общественности как Зяма, наши мамуля и папуля, а также съёмочная группа

местного телевидения под предводительством Макса Смеловского, друга семьи и моего давнего поклонника. Все мы пытались совмещать приятное с полезным, то есть отдых с работой.

Отдых был пасторальный, деревенский, на нашей семейной даче в пригородном поселке Бурково, в условиях, приближенных к спартанским: туалет во дворе, душ под садовой лейкой, а горячая пища с маломощной электрической плитки, которая насмерть перегорела, едва дебютировав в роли ротной военно-полевой кухни.

– Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса! – выругался папуля, добровольно вызвавшийся быть кашеваром.

Досадуя, он с размаху шваркнул несчастный агрегат оземь примерно так, как это делают с пойманными черепахами горные орлы, после чего объявил коммунистический субботник под актуальным девизом: «Кто не работает, тот не ест!»

Папуля – полковник в отставке, спорить с ним – себе дороже, да и кушать очень хотелось, так что мы всем табором кротко и безропотно собирали в сухом речном русле крупные булыжники, копали глину, складывали очаг и устанавливали над ним примитивное подвесное устройство для не менее примитивного котелка. Убитая электроплитка полетела в помойку, стихийно образовавшуюся под откосом крутого берега речки Бурки, пересохшей еще в начале прошлого века. От водной артерии остались только смутные воспо-

минания аксакалов, да еще название поселка, великодушно поименованного в ее честь.

Сложив очаг, мы еще долго таскали и рубили дрова для костра, а потом по жребии выбирали дежурного кострового, которым волей судьбы стал Зяма.

Со стороны фортуны это было сущее свинство по отношению как к самому Зяме, так и ко всем остальным! Будучи дизайнером по интерьеру, братец привык обустраивать исключительно замкнутые пространства. В отсутствие крыши над головой и четырех стен он теряется и делается беспомощен, как ребенок.

– Спички – детям не игрушка! – со вздохом резюмировал папуля, когда неловкий Зяма в тщетной попытке запалить сложенные кособокой горкой дрова обжег себе палец.

Зяма сунул обожженный палец в рот и сделался чрезвычайно похож на обиженного мальчика младшего ясельного возраста. Сходство портила только художественно выбритая щетина, хитрыми загогулинами распространяющаяся по щекам и подбородку на диво рослого младенца.

Папуля забрал у своего бородатого дитяти спички и сам попытался разжечь костер, пользуясь газетой, после долгих поисков обнаруженной в кармашке на двери дощатого сортира. Никакой другой бумаги на даче, увы, не нашлось. Учитывая наличие в семье живого и действующего писателя, ее отсутствие выглядело по меньшей мере странно. Впрочем, с недавних пор наша писательница освоила ноутбук. Полезная

машинка, но абсолютно не пригодная для разведения костра!

– Давай, Боря, покажи им, как надо! – подбодрила тихо чертыхающегося папулю супруга.

Она была в полном восторге от массового выезда на природу, и ничто не могло испортить ей настроения.

– Пусть из искры возгорится пламя! – торжественно призывала мамуля, взмахнув руками, как дирижер.

Папуля чиркнул спичкой, и благополучно возгоревшаяся серная головка огненным метеоритом отлетела в сторону, приземлившись точно на волосатую ногу Макса, который как раз пытался в очередной раз сказать мне о своих чувствах и выбрал для этого песенный жанр:

– И бу-удем жить мы, страстью сгора-ая! – завывал Макс, безжалостно терзая расстроенную гитару и мои уши.

Пылающий болид пришелся строго по тексту, и фальшивое пение мгновенно превратилось в исполненный подлинного чувства вой, живо заинтересовавший Лютика. Питбуль прискакал от гамака, вблизи которого сидел, подстерегая момент падения с ноги оператора Саши пляжного шлепанца, и составил дуэт с голосащим Максом. То есть поначалу Лютик помалкивал, но когда приплясывающий на одной ноге Смеловский отдал ему лапу, щенок тоже взвыл. Папуля начал извиняться, мамуля – громогласно жалеть обожженного Максика, Зяма побежал в дом за аптечкой, девочка Аня из съемочной группы кинулась утешать визжащего Лютика,

а неблагодарный щенок цапнул ее за палец. Зяма, не нашедший аптечки в доме, побежал за ней в машину и по дороге наступил на спящую кошку, которая тоже присоединила свой голос к общему ору, перегревшаяся на солнце машина не признала хозяина и сдуру заревела противоугонной сигнализацией, в чужом дворе зашлась истерическим лаем сторожевая собака... Атмосфера военно-полевого дурдома крепчала.

– Пойду-ка я прогуляюсь! – пробормотала я, отступая за калитку.

Обошла надрывающийся криком семейный «Форд» и зашагала по единственной улочке поселка, торопясь уйти подальше от шумного сборища умалишенных, в которое превратилась милая компания на нашей даче.

С момента появления Буркова на географических картах население его до самого последнего времени прирастало крайне медленно, но пару лет назад в поселке появился первый «новорусский» особняк – загородный дом банкира Ивана Сергеевича Суржикова. Уставший от городской суеты банкир решил угнездиться на лоне природы, для чего выстроил на окраине Буркова скромный трехэтажный домик, протянул к нему газ, телефон, асфальтированную дорогу и даже поставил у своего двора банкомат, который пришлось оберегать от темных аборигенов. Местные граждане решили, что любитель комфорта Суржиков завел у себя автомат с газировкой, и по ночам лезли к банкиру с бидонами, надеясь

надоить из банкомата бесплатного ситро. Тогда Иван Сергеевич поставил у ворот охранника, очертаниями и крепостью лобовой брони очень похожего на подопечный банкомат. После этого банкир почувствовал себя в сельской местности вполне комфортно и начал принимать гостей.

Гости Суржикова, сплошь люди состоятельные, быстро проникались прелестью деревенского житья-бытья и завистью к банкиру. Осмотревшись, они начинали живо интересоваться ценами на землю в Буркове и скупать ветхие домишки с видом на далекие поля и близкий лес. За год-другой население поселка стало смешанным, «новые русские» соседствовали с русскими старыми, белокаменные и краснокирпичные особняки чередовались с ветхими саманными хатами, так что единственная улица поселка стала напоминать ожерелье, в котором жемчужные зерна перемежаются глиняными бусинами.

Однако в целом ситуация была уравновешенная. Пришлым богачам нужны были рабочие руки, а местные жители с удовольствием нанимались в садовники, дворники, горничные и кухарки. В Бурково пришла экономическая стабильность, и даже знаменитый банкомат все чаще востребовался старожилами по прямому назначению, а не как халявная автоматическая поилка.

В лиловый закатный час я брела по улице, лениво поглядывая по сторонам в поисках скамейки, где можно было бы присесть без риска быть согнанной с места строгим охран-

ником или вредной бабкой с кулечком семечек. Подходящая лавочка нашлась под забором нового дома, с хозяевами которого я еще не была знакома. В двухэтажный особняк из итальянского кирпича, украшенный балконами и башенками, жильцы въехали совсем недавно.

Приглянувшаяся мне лавочка была очень уютно расположена в нише высокой кирпичной ограды. С двух сторон ее укрывали зеленые стены какой-то вьющейся и бурно цветущей растительности, сверху нависал выступ балкона. Я с удовольствием устроилась в этой ложе с видом на увенчанный стогом коровник: на другой стороне улицы белели свежей известью кривые стены дома тетки Маруси, местной скотовладелец.

Она держит корову и небольшое стадо коз, снабжая молоком и старожилов, и новых обитателей Буркова. Парное молочко уважают все, Маруся неплохо зарабатывает и копит деньги на новый дом – такой, чтобы не стыдно было перед богатыми соседями.

Представив, какой роскошный беломраморный коровник на дюжину рогатых персон она построит при своем будущем дворце, я улыбнулась и закрыла глаза. Солнце спряталось, фиолетовая ноздреватая тьма сладко пахла субтропическими цветами с легкой примесью ароматов крупного и мелкого рогатого скота. Многотрудный долгий день меня утомил, и я чувствовала, что вот-вот усну.

– Куды ты несет, дурында! – бешено завопила невидимая в

темноте тетка Маруся, помешав мне погрузиться в сладкую дрему. – Куды прешься, трицератопсиха?!

Я широко открыла глаза. Трицератопс – это такой страхолюдный динозавр с огромными рогами, я видела его в кино и крепко запомнила. На кого это орет гневливая Маруся? Не завела же она, в самом деле, в своем полезном зверинце вымершего ящера?

В ответ на мой немой вопрос и ругань Маруси раздался низкий укоризненный вой:

– Му-у-у!

Определенно, трицератопсихой скотовладелица обозвала свою корову Нюсю.

Не успела я посмеяться над тем, какие мудреные ругательства выучили местные бабки с наступлением на Бурково цивилизации, как снова была испугана громким криком. На сей раз орали у меня над головой.

– Паха! Пашенька! – зайцем заверещал в ночи ненормально высокий мужской голос.

Похоже, на балкон, нависающий над моей укромной лавочкой, вышел нежный юноша.

– Где ты, Паха? Вернись! Пашенька! Паха! – без устали призывал он визгливым голосом на грани истерики.

– Вот вам и цивилизация! – пробормотала я.

До нашествия богатеньких избалованных горожан в Буркове и слыхом не слыхали об однополой любви, а теперь – вот, пожалуйста! Какой-то нервный педик на балконе зала-

мывает руки и громогласно рыдает по покинувшему его Пашеньке!

– Поля, успокойся! – произнес усталый женский голос.

– Поля – это Полина? – машинально задалась вопросом я, подняв глаза к кирпичному потолку.

– Поля, вернись в комнату и закрой балконную дверь, тыпустишь в дом комаров! – в женском голосе стремительно нарастало раздражение. – Поль, я кому сказала? Живо вернись в дом!

– Поля – это Поль? Значит, все-таки педик, – с сожалением констатировала я.

Падение нравов в пасторальном Буркове мне не нравилось.

Поля-Поль, видимо, послушался приказа и вернулся в дом. Наверху громко хлопнула дверь, и сразу послышался шум другого рода: с характерным звуком посыпались на пол осколки стекла.

– Идиот! Ты разбил дверь! – взъярилась женщина. – Я заплатила за витражное стекло триста баксов!

– Это были не твои баксы! – мрачно огрызнулся Поль.

– Конечно-конечно! Это твои баксы! – еще громче закричала женщина. – Но я, если ты забыл, твоя опекунша! И пока тебе не стукнет восемнадцать, всеми деньгами распоряжаюсь только я одна!

– Тебе осталось царствовать один год, три месяца и восемнадцать дней! – без запинки ответил Поль.

– Да пошел ты! Придурок!

В глубине дома снова хлопнула дверь. Я прислушалась, не разлетится ли на куски еще одно витражное стекло стоимостью в триста американских долларов? Вроде нет.

– Стерва! – выругался Польш.

Я услышала хруст стекла под его ногами, а потом снова зазвучали жалобные призывы:

– Паха! Паха, ну, где ты? Свободы захотел, дурачок? Вернись! Ты же пропадешь без меня, Пашенька! Ты погибнешь!

Я не выношу страданий беспомощных существ, и мне стало жалко бедного «голубого».

– Эй, на балконе! – позвала я, выступив из ниши на дорогу. – Что у вас случилось? Может, помощь нужна?

– Вы кто? – испугался юноша.

Я плохо его видела. В комнате за разбитой стеклянной дверью горела лампа, но она светила Полю в спину. Я разглядела только острые плечи и растрепанную голову на тонкой шее. Ну, точно, педик! Волосы длиннее, чем у меня!

– Меня зовут Инна Кузнецова, наша дача на краю поселка, у самой опушки! – ответила я.

– Возле леса? – чему-то обрадовался Польш. – Там, где овраг и лопуховая поляна?

Травяные заросли вблизи нашей дачи, действительно, необыкновенные. Лопухи размером с пальмовый лист и хвости, смахивающие на елки! Папуля все собирается скосить эти зеленые джунгли, но бабуля ему не позволяет. Она сорок

лет преподавала школьникам биологию и привыкла внушать окружающим почтение к живой природе во всех ее проявлениях.

– Есть лопуховая поляна, – подтвердила я.

– Послушайте, а вы не могли бы сходить со мной туда? – робко попросил Поль. – Понимаете, у меня Паха пропал! Я думаю, он как раз в лопухи подался, я ведь его когда-то именно там поймал.

Вот это номер! Я опешила. Выходит, в реликтовых травах вблизи нашей дачи устраивают какие-то ритуальные игрища «голубые»? Ловят друг друга! В смысле, знакомятся, что ли?

Я мгновенно вообразила, как по ночам под сводами лопухового леса в романтическом травяном шуршании ползают юноши в трусиках-стрингах. В густых зарослях они ничего не видят и потому слепо шарят в траве, стремясь осалить друг друга. А что они делают, когда поймают себе подходящую пару, я даже думать не хочу! Все, пусть бабуля молчит в тряпочку, я потребую от папули скосить эти голубые джунгли к чертовой матери!

– Вы же будете домой возвращаться, как раз в сторону леса? А я с вами пойду! – продолжал уговаривать меня настойчивый юноша. – Одному немного страшновато.

– А обратно вы как же пойдете? – спросила я.

– Надеюсь, обратно я пойду с Пахой, так что снова буду не один!

– М-да... Ладно, спускайтесь!

– С балкона?

– А что такого? До земли не больше трех метров, переберитесь через ограждение и прыгайте вниз, тут под ногами травка мягкая!

Сама бы я этот нехитрый трюк проделала в два счета, но нежный юноша Поль, похоже, чурался физических упражнений на свежем воздухе – за исключением спортивного ориентирования в лопухах.

– Я лучше по лестнице спущусь, ждите, я быстро! – сказал он, отступая в комнату.

Окольный путь затянулся на несколько минут. Услышав во дворе голоса, я поняла, что Полю преградила путь та самая дама, которая именовала себя его опекуной, тогда как сам Поль просто и без затей называл ее стервой.

– Ты никуда не пойдешь! – твердым голосом говорила она. – Тем более в лес! Я не разрешаю тебе гулять по ночам! Нет, нет и нет! В конце концов, я за тебя отвечаю!

– Ты че, Поль, совсем того? – рассудительно вторил женскому голосу рокочущий бас. – На фига тебе сдался этот лес? Думаешь, ты там своего Паху найдешь? Да брось! Раз его нет в доме, значит, он навернулся с концами. Все, амба Пахе!

Я насторожила ушки. Похоже, личная драма Поля гораздо серьезнее, чем мне показалось! Если возлюбленный Паха покинул его в результате скоростного перехода в мир иной, прогулки в лопухах и призывы вернуться ничего не дадут. Взывать к ушедшим – занятие малорезультативное,

это только в литературных ужасниках нашей мамули усопшие ведут поразительно активную жизнь, как личную, так и общественную...

– Что значит – амба? – тонким голосом вскричал Поль. – Что ты об этом знаешь, шкаф встроенный? Это ты его убил, фашист проклятый?!

– Поль, выбирай выражения! – взъерилась женщина. – Анатолий никакой не фашист, он просто разумный человек и рассуждает вполне логично! Вчера твой ненаглядный Паха сбежал из клетки и шастал по всему дому, я сама видела, как он прыгнул на диван в гостиной!

– А я видел его аж два раза: в своей кровати и на ковре в библиотеке! – пробурчал бас.

– Весело люди живут! – пробормотала я.

Мне уже было страшно интересно посмотреть на Паху, который прыгает из одной постели в другую, и, видимо, поэтому его обычно держат взаперти в клетке. Что же это за сексуальный террорист такой?

– Вот, слышал, что говорит Анатолий? – обрадовалась поддержке женщина. – Твой любимец разгуливал где хотел! А поутру Нинель делала уборку, заметь – с новым пылесосом!

Это было сказано так многозначительно, что я невольно призадумалась: неужто в этом странном доме пылесос тоже как-то используется в сексуальных играх?

– Его небось насмерть засосало! – сочувственно пробасил Анатолий. – Ты че, забыл? Такая же фигня была с Семой!

Это заявление тоже нужно было осмыслить. Я скосила глаза на кончик носа и попыталась вообразить Сему, который принял смерть от трубы пылесоса. Получилось такое жестокое порно, что мне стало страшно!

– Вашу Нинку саму убить мало! – яростно закричал Поль. – Дура деревенская! Ее бы так засосать, чтобы руки-ноги переломало и шею свернуло!

– Анатолий, принеси мальчику таблетку и стакан воды, – вполголоса скомандовала женщина.

– Сами жрите ваши психотропные препараты! Я не сумасшедший! – громче прежнего заорал Поль.

Мне совсем расхотелось куда-либо сопровождать этого неуравновешенного юношу, равно как и торчать под воротами дома, населенного весьма странными людьми, использующими бытовую технику отнюдь не по прямому назначению.

– Всего доброго! – прощально прошептала я тихо покачивающимся выюнкам, круто развернулась и зашагала в сторону нашей дачи.

Уличное освещение в Буркове эпизодическое: фонари имеются только перед особняками, так что дорога в чередовании полос света и тьмы выглядит как жезл гаишника. Я старалась побыстрее проскакать черные пятна и, выплыв из чернильной темноты на очередной островок света, опасно оглядывалась назад. Мне казалось, что я слышу за своей спиной чьи-то шаги.

Правильно казалось: на полпути к даче меня нагнал от-

дувающийся Поль. Сначала я не поняла, кому принадлежит поспешающая за мной кособокая фигура, и немного испугалась, но потом услышала окрик:

– Эй, Инна, погодите!

– Поль? – я всмотрелась в темноту.

– Едва догнал вас! – пожаловался юноша. – Ох, и быстро же вы ходите!

Поль вышел на свет, и тут только я поняла, что он прихрамывает. Одну ногу парень при ходьбе заворачивал внутрь и подволакивал.

– Это что, гипс? – я кивнула на громоздкий башмак, отяжеляющий правую ногу Поля.

– Это ортопедический ботинок, – сердито ответил он. – У меня косолапие. Я инвалид!

Мне стало неловко.

– Простите, я не знала, – пробормотала я. – Это у вас с детства?

– Врожденный дефект. Может, сменим тему?

– Да, конечно! – Я мысленно выругала себя за отсутствие такта и попыталась придумать другую тему для разговора.

Честно говоря, больше всего меня интересовала личность пропавшего Пахи-Пашеньки.

– Скажите, а кто такой Паша? – спросила я, придерживая шаг, чтобы прихрамывающий Поль от меня не отставал.

– Паша – это я, – пожал острыми плечами мой собеседник. – Павел Ситников, домашние зовут меня Полем. Это

маман мне такое дурацкое прозвище придумала, она всех норовит величать на французский манер: Поль, Анатоль, Нинель! А сама она Надин, фифа крашенная!

Поль сплюнул под ноги. Я бы не удивилась, если бы плевков зашипел, как кислота: в словах юноши о матери было столько яду!

– Не горюйте! – сказала я, чтобы утешить расстроенного парня. – Поль – звучит совсем неплохо! Вот меня любящие родители окрестили Индией, а моего брата зовут Казимир, сокращенно – Зяма!

– Кто поминает имя мое всеу? – грозно пророкотал из темноты голос моего братца.

Через секунду Зяма вышел на свет и сказал нормальным голосом без всякого потустороннего завывания:

– Дюха, куда ты запропастилась? Меня послали тебя искать!

– Поль, знакомьтесь – это Зяма, Зяма – это Поль! – сказала я.

– Очень приятно, – пробормотал Поль.

– Взаимно, – вежливо ответил братец и вопросительно посмотрел на меня: – Ты успела завести новое знакомство? Любезный молодой человек провожает тебя в сторону дома?

– Нет, это я любезно провожаю молодого человека в сторону, противоположную его дому, – к лопуховой поляне на лесной опушке, – не без ехидства ответила я.

Зяма без промедления развернулся, мы перестроились и

зашагали к лесу втроем.

– Скажите, Поль, а какой интерес у вас к лопуховой поляне? – светски спросил Зяма.

– Он должен встретиться там со своим близким другом! – поспешила ответить я, чтобы Поль своим рассказом про легендарного Паху-Пашеньку не запутал моего братца.

Хватит того, что я сама теряюсь в догадках относительно личности Пахи, да и диагноза Поля тоже: может, он не педик, а шизик? Говорит мне, что Паша – это он, и сам же призывает своего милого Пашу вернуться! Типичное раздвоение личности!

– А зачем ты меня искал? – спросила я Зяму, чтобы в очередной раз сменить тему.

– А ты разве кушать не хочешь? – вместо ответа спросил братец. – Ужин готов! Наш героический папуля сумел-таки приручить дикое пламя и зажарил роскошную курицу!

– Какую еще роскошную курицу? – громко удивилась я. – Мы вроде из мясных продуктов с собой только сосиски привезли, тушенку и замороженные полуфабрикаты?

– Не кричи! – Зяма поморщился, огляделся и понизил голос. – Курицу никто не привозил, она пришла сама. Сунулась, балда пернатая, к нам во двор через дырку в заборе и на свою беду встретилась с Лютиком. Ну, скажу я тебе! Питбуленьш-то наш – настоящий охотник! Курица, впрочем, тоже по-своему молодец – жирненькая такая оказалась, упитанная...

Мой рот наполнился слюной. Перспектива плотно пообщаться со вкусной жареной курочкой отодвинула на второй план желание познакомиться с загадочным Пахой. К тому же мы как раз поравнялись с нашей калиткой, до лесной опушки было рукой подать. Свою миссию проводника я выполнила.

– Поль, вы извините меня, если теперь я вас оставляю? – спросила я молодого человека, чутко принюхавшись. Со двора тянуло дымком и ароматом жареного мяса. – Лопуховая поляна прямо по курсу, вы уже не заблудитесь, правда, там темно...

– Ничего, у меня есть фонарик, – ответил Поль. – Он небольшой, но довольно мощный.

Зяма открыл рот, явно собираясь поинтересоваться у нового знакомого, что он собирается делать в лопухах с небольшим, но мощным фонариком, но я своевременно наступила не в меру любопытному братцу на ногу, и он сказал совсем не то, что намеревался:

– Ой, больно! Дюха, ты чего?

– Того! – непонятно ответила я. – Попрощайся с Полем и пойдем ужинать!

– До с-с-свиданья, Поль! – послушно прошипел сквозь зубы Зяма, прыгая на одной ножке.

Это напомнило мне, в какой драматический момент я оставила шумное сборище на нашей даче, и, присоединившись к компании у догорающего очага, я первым делом со-

чувственно спросила Смеловского:

– Как нога, Макс?

– Очень вкусная! – благодушно ответил тот, широким жестом зашвырнув в темноту дочиста обглоданную куриную кость.

Лютик, лежащий у ног папули, как маленький жирный тюлень, с трудом поднял голову, проводил перелетную птичью косточку слегка сожалеющим взглядом, но не сделал ни малейшей попытки встать на лапы.

Я поняла, что под воздействием жареного мяса все драматические события напряженного вечера присутствующими забыты, и полностью переключилась на курицу. Спасибо папуле, он проследил, чтобы обжоры оставили мне славный кусочек!

Я еще сладко чавкала, когда прочие участники трапезы начали подниматься из-за стола. Подгонял всех оператор Саша. Он заметил в ночном небе одинокую пухлую тучку и был встревожен этим явлением, так как опасался, что облачный покров может быстро разрастись и закрыть едва поднявшуюся луну. А нам необходимо было ночное светило во всей красе. Впрочем, ночь и так не была темной, небо подсвечивали алые всполохи.

– Это зарницы, что ли? – пробормотала мамуля, щурясь на багровое сияние.

– Или большой пионерский костер! – предположил Зяма, вспомнив детство.

– Эй, заканчивайте вечер воспоминаний! Вы, вообще, помните еще, зачем мы здесь? Мы вроде работать приехали, а не отдыхать! – забубнил Саша, устанавливая под развесистой березой операторский штатив и закрепляя на нем камеру.

– Точно, господа хорошие, давайте ближе к делу, мы же не жрать сюда приехали! – сыто рыгнув, поддакнул оператору Смеловский. – Саня, камера готова?

– Всегда готова! – пробасил тот, дергая березовую веточку, как шнурок дверного звонка. – Макс, погляди, как тебе эти листики на переднем плане?

Максим заглянул в видоискатель и сказал:

– Супер! Очень оживляет.

– Кто оживляет, кто омертвляет! – засмеялся Зяма, с намеком посмотрев на мамулю.

Наша родительница передвинула свой стульчик от стола в тыл видеокamеры, ориентируясь на импровизированную съёмочную площадку. Лицо у нее сделалось задумчивое и вдохновенное.

– Прямо как настоящий режиссер! – восхитился мамулей несносный Зяма. – Люк Бессон потерял бы сон! Надо повесить на спинку стула именную табличку: «Бася Кузнецова».

По паспорту мамулю зовут Варварой, но папуля завет ее Басей, и свои пугающие книжки наша писательница тоже подписывает именно так: «Бася Кузнецова».

– Зяма, ты еще здесь? – прикрикнул на весельчака Мак-

сим. – А ну, живо на грим! Анька, давай запанируй его!

– Дуй сюда и дай мне свою физиономию! – скомандовала Зяме Анна, устроившаяся на свободном от остатков пиршества краешке стола с раскрытым чемоданчиком.

– Тебе, Анечка, я готов дать не только физиономию, но и все прочие части своего организма! – игриво ответил Зяма.

– Закрой, пожалуйста, рот! – покраснев, попросила девушка.

Зяма послушно заткнулся, но продолжал прожигать Аню взглядом. С учетом того, что в глаза себе братец вставил линзы красного цвета, взгляд его был воистину пылающим.

Анна ловко раскрасила Зямино лицо белилами и синими тенями, после чего сказала:

– А теперь открой рот!

– Я...

Зяма начал было говорить, но Анька бесцеремонно сунула ему в рот вставные зубы. Сияние естественной улыбки заметно усилил фосфорический блеск дюймовых глазных клыков. Превращение пышущего здоровьем жизнерадостного молодого мужчины в полнозубого синюшного вампира завершил длинноволосый смоляной парик.

– По-моему, очень славно! – сказала Аня, любясь делом своих рук. – Максим, погляди!

– Супер, самое то! – постановил Макс. – Санька, свет готов?

– Всегда готов! – привычно отрапортовал оператор.

Мощные софиты на треногах, занявшие свои места в строю фруктовых деревьев, засияли, как два солнышка.

– Зяма, двигай на площадку! – велел Макс. – Варвара Петровна, мы готовы! Начнем?

– Начнем! – размашисто кивнула мамуля.

– Думаешь, это была хорошая идея? – на ушко спросил меня папуля.

Я замешкалась с ответом. Идея снять телевизионный сериал по мотивам мамулиных произведений принадлежала Максиму Смеловскому.

– Друзья мои, производство телесериалов – это очень выгодный бизнес, только у нас в провинции этого пока не понимают! – вещал Максим, развалившись на нашем кухонном диванчике и со вкусом поедая длинномерный пирожок с сыром. – Продукт высшего класса может произвести не только Фабрика грез, но и маленькая частная телекомпания, даже не располагающая собственной материально-технической базой. Все необходимое – от камеры до передвижного генератора – можно найти на стороне и арендовать за вполне умеренную плату! Бюджет для производства одной серии составляет сто—сто пятьдесят тысяч долларов...

В этом месте речи Смеловского мы с Зямой дружно поперхнулись чаем.

– Но примерно по такой же цене за серию сериал можно продать телеканалу для премьерного показа! – Макс отложил недоеденный пирожок и заботливо похлопал меня по

спине. – В дальнейшем, если рейтинг будет высокий, сериал можно продать для второго, третьего, пятого и двенадцатого показа, и это будет уже чистая прибыль телекомпании!

– Но где же ты возьмешь сто тысяч баксов на производство первой серии? – прокашлявшись, спросил Зяма.

– Нигде! – торжественно возвестил Смеловский.

Это было довольно неожиданное заявление.

– Первую серию мы снимем практически без затрат! – сказал Макс.

– Еще один сказочник! – закатил глаза к потолку Зяма, недвусмысленно намекая на мамулино творчество.

– Друзья мои, мы не будем соревноваться с «Мосфильмом» и Голливудом! То есть пока не будем. – Макс снова взялся за пирожок. – Для начала мы сделаем простенькое кино для нашего местного телеканала, используя его же технические возможности. Цифровая видеокамера, немного дополнительного света, компьютер для монтажа, пара-тройка специалистов и ваше деятельное участие – вот все, что мне нужно на данном этапе!

Помнится, тогда мы не приняли Максима всерьез. Мы с папулей переглянулись, Зяма покрутил пальцем у виска, мамуля кротко вздохнула. А недооцененный нами Макс, изобразив живую озабоченность повышением рейтинга родного телеканала, уговорил-таки свое начальство спонсировать съемки пробного фильма – на телевидении это называется «пилотный» выпуск. Чтобы снизить затраты на процесс, ре-

шили обойтись малой кровью: профессиональных актеров не приглашать, а натурные съемки провести на нашей даче в Буркове.

– Не напрасная ли это затея? – повторил папуля, поглядев на оператора Сашу, который подхватил камеру с таким хмурым и недобрый выражением лица, словно это был гранатомет.

– Сценарий неслабый, – уклончиво ответила я.

«Неслабый» – это еще мягко было сказано! В основу сценарного плана будущего сериала легли мамулины ужастики, имеющие большую популярность у читающей публики.

По сценарию, главный герой фильма, начинающий писатель Артем Пустовалов, приезжает в отпуск на родину предков, в среднерусскую глубинку, чтобы отыскать в руинах заброшенной фамильной усадьбы легендарный клад своего прадеда, графа Артемия. Родовое гнездо Пустоваловых было до основания разрушено после загадочного катаклизма еще до революции семнадцатого года, но продолжатели рода из рук в руки бережно передавали обожженный обрывок тонкой папиросной бумаги. На нем была скупо начертана карта, тайну которой вознамерился разгадать самонадеянный Артем. Молодой человек загорелся интересом к семейной истории по уважительной причине: он проигрался в казино и здорово нуждался в деньгах.

Отыскав в диких среднерусских джунглях руины барского дома, вооруженный металлоискателем и лопатой Артем

начал не лениво копать тут и там, осуществляя земляные работы тайно, по ночам, чтобы не смущать покой обитателей близкой деревни. Однако вместо дедова сундука с золотом Артему предстояло выкопать самого деда – страшного и ужасного вампира Артемия, которого крестьяне называли Черным Баринном.

Против ожидания, Черный Барин оказался не чужд родственных чувств, так что его правнук и тезка Артем Пустовалов не лишился в результате встречи с прадедушкой жизни. Напротив, ответственный и энергичный Артемий начал неустроенному Артему по-своему покровительствовать. Закапываться обратно в сырую землю Черный Барин решительно не желал, норовил вести максимально светский образ жизни, так что дед Артемий и внук Артем вынужденно превращались в неразлучную парочку. Далее следовала череда отчасти пугающих, отчасти забавных приключений, которых должно было хватить на добрый десяток серий.

Мне больше всего нравилось, как изобретательно мамуля устроила своих героев к финалу: в итоге все денежные затруднения Артема решились с помощью легендарного золотого сундука Артемия, причем часть состояния Черного Барина предприимчивые Пустоваловы пустили в дело. Они открыли кабинет гирудотерапии! Таким образом, изящно и безболезненно решался вопрос с насущным вампирским пропитанием. Я уже видела, как в финале нашего кино хорошенькая медсестричка прессует в ручной соковыжималке

насосавшихся крови лечебных пиявок, получая питательный коктейль для проголодавшегося графа Артемия...

– Мотор! – с энтузиазмом вскричал Смеловский, оборвав мои несвоевременные фантазии.

– Сам мотор! – огрызнулся хмурый Саша.

– Я хотел сказать: «Начали!» – объяснил Макс.

– На старт, внимание, марш! – восторженная мамуля громко хлопнула в ладоши.

– Предполагается, что по этой команде я должен куда-то бежать? – желчно спросил Зяма из своей засады.

Снималась драматическая сцена выхода Черного Барина из сырой земли. Зяма, изображающий графа Артемия, должен был выбраться из могилы, сверкнуть в лунном свете красными глазами и саблезубыми клыками, тряхнуть черным шелковым плащом и демонически захохотать.

– Нет, бежать – это несолидно! – возразил Смеловский. – Ты же вампир благородных кровей, а не гарлемский стайер! Ты должен гордо восстать и величаво выступить!

– Мне бы величаво не вступить! – пробурчал в ответ Зяма.

Я хихикнула. В качестве неухоженной могилки у нас выступал земляной холмик, скрывающий под собой старую выгребную яму. В лунном свете поросшая сорной травой выпуклость смотрелась весьма интригующе, вдобавок сверху насыпь давным-давно была накрыта подобием шалаша из старых досок. В свое время это было сделано для защиты экс-сортира от несанкционированного доступа – чтобы ма-

ленькие детки Зяма и Дюша, заигравшись на огороде, не провалились в гадкую яму. Прошло немало лет, дощатая крыша частично сгнила, частично развалилась, уцелевшие доски торчали кривым костяком и выглядели довольно пугающе. Окружающие холмик огородные грядки образовывали подобие заброшенного погоста.

Зяма, который залег в гороховых зарослях, должен был по сигналу вздыбиться в полный рост в опасной близости к туалетному саркофагу, и был риск, что вампир благородных кровей пошло провалится в яму с дерьмом.

– Если такое случится, будет совсем замечательно! – «успокоил» Зяму бессердечный Макс. – Видеозапись твоего падения можно будет пустить задом наперед, добавить к реальному видео компьютерных эффектов, и получится просто супер: вампир эффектно взлетит из разверзшейся могилы, весь в комьях и брызгах, с криком на устах!

– Крик будет матерный! – предупредил Зяма.

– Ничего, при озвучке мы заменим его подходящим воплем! – Макс потер ладони и сказал: – Ну, приступим!

– Ты хотел сказать – «мотор»? – уточнил Саша.

– Мотор! – враз потеряв терпение, заорал Смеловский. – На старт, внимание, марш! Зяма, пошел!

– Да пошел ты...! – огрызнулся Зяма, выныривая из гороховых зарослей с обещанным матерным криком на устах.

– Ой, мамочка! – ахнула впечатлительная девушка Аня. – Жуть-то какая! Ужас, летящий на крыльях ночи!

– Спасибо, – кивнула польщенная мамуля.

Зяма, балансирующий на краю проседающего холмика, в своем шелковом плаще походил на черного ворона, готовящегося взлететь, и в целом выглядел достаточно страшно. Красные очи в свете софитов сверкали, как рубины, глазные клыки фосфоресцировали, а перекосившийся парик придавал пугающую асимметрию физиономии, раскрашенной в цвета государственного флага – белый, синий и красный.

– Весьма патриотично! – пробормотала я, отметив этот незапланированный эффект.

– Да, особенно хорошо пошел горошек! – восторженно шепнул мне в ответ папуля.

Я было подумала, что он делится со мной впечатлениями от прошедшего ужина, но папа указывал пальцем на Зяму. Действительно, запутавшиеся в прическе и костюме Черного Барина оборванные плети бобовых культур смотрелись очень эффектно! Возникало стойкое впечатление, будто пробужденный вампир восстал из-под земли, как ракета из шахты, пробив туннель на поверхность непосредственно сквозь корневища могильных трав.

– Снято! – крикнул Саша.

– Отлично! – бурно обрадовался Максим.

Он хлопнул по плечу оператора, покружил в воздухе Аню и полез целоваться ко мне, но я вовремя увернулась.

– Теперь сцена с девицей, – распорядилась мамуля, заглянув в сценарный план. – Дюша, ты готова?

Я пожала плечами:

– Долго ли раздеться?

По задумке авторов фильма – мамули и Макса, я должна была изобразить прелестную деревенскую девушку-сомнамбулу, которая в полночный час покинула родную избу, чтобы меланхолично побродить под полной луной по заросшим кладбищенским тропкам. Первоначально предполагалось облачить сельскую лунатичку в ситцевую ночнушку до пят, но Макс решил на радость публике внести в ужастик бодрящую нотку здоровой эротики, в результате чего мой костюм отчетливо тяготел к нудизму.

Смеловский самолично выбрал подходящий наряд в магазине «Планета белья». Взглянув на ценник, прилепленный к коробке с комплектом, я заподозрила, что эта покупка будет самой расходной статьёй в бюджете нашего сериала! Полупрозрачная короткая распашонка, расшитая кружевами и бисером в самых неожиданных местах, стоила бешеных денег, хотя была в высшей степени непрактичным одеянием. Более-менее надежно куцый пеньюар прикрывал всего один квадратный сантиметр моего тела – как раз пупок, оказавшийся точно под узелком одинокого шелкового бантика. Я была весьма рада тому, что съемки ведутся в теплое время года и без большого скопления любопытствующей публики.

Оператор переставил камеру и свет, на сей раз направив их не на сортирное захоронение, а на дорожку между овощными грядками.

Я немножко побродила по глинистой тропе туда-обратно, чувствуя себя не особенно уютно. На мой взгляд, прогулка в дезабилье была бы уместнее как увертюра к жаркой постельной сцене, а не в качестве разбивки между эпизодами кошмара! Однако наш великий кинодеятель Максим Смеловский считал иначе. Режиссируя мое дефиле, он блеснул глазами, потирал потеющие ладони и убежденно приговаривал: «Чем больше, тем лучше!» При этом маниакальный взгляд Макса задерживался по большей части на моем декольте, так что я непроизвольно начала втягивать грудь, стыдливо решив, что будет тем лучше, чем меньше.

Моя новообразовавшаяся сутулость сильно встревожила мамулю, и она стала требовать, чтобы мне на спину срочно привязали дощечку. Против дощечки решительно возражал Зяма – просто потому, что ему лень было лезть в сарай за ножовкой и выпиливать из забора подходящий прибор для экстренной коррекции моей осанки.

Заботливого папулю больше всего беспокоило, что я могу озябнуть. Он принес из дома свой собственный теплый вязаный набрюшник из собачьей шерсти и очень настаивал, чтобы я надела его под пеньюар.

Зоркий оператор Саша умудрился с помощью своей оптики высмотреть в диких зарослях, которых давно не касалась рука огородника, пяток болгарских перчиков и десяток томатов и послал Аню их сорвать. Он мотивировал необходимость срочного сбора урожая тем, что жизнерадостные крас-

ные томаты не соответствуют общей стилистике мистического триллера.

Анна послушно сорвала овощи и, подстрекаемая Зямой, тут же начала строгать их в салат, после чего все участники шоу почувствовали острый приступ голода и решили наскоро перекусить. В общем съемочный процесс в очередной раз застопорился.

Когда от салата, а также поданных к нему хлеба, сыра и колбасы остались одни воспоминания, ночь уже балансировала на грани утра.

– Ох, замешкались мы! – спохватился Смеловский, с необоснованным укором посмотрев на розовеющее небо. – Ночь заканчивается, а нам же еще сцену на обрыве снимать!

– На обрыве так на обрыве! – спокойно согласился Саша.

Он сноровисто собрал свое операторское добро и навьючил папулю и Зяму софитами. Мамуля сложила свой режиссерский стульчик, Аня прихватила чемоданчик с гримировальными принадлежностями, я целомудренно укуталась поверх излишне откровенного пеньюара в плед, и вся наша компания вышла за высокую ограду двора и двинулась в путь к обрыву, под которым раскинулась просторная свалка.

– Кто помнит, мы костер во дворе затушили или нет? – обеспокоенно пробормотал папуля, приняухиваясь.

Воздух отчетливо пах дымом и гарью.

– Мы-то затушили! Не иначе, кто-то снова мусор на помойке запалил! – вздохнула мамуля. – А ведь продукты го-

рения очень вредны и сильно загрязняют атмосферу!

– Ничего, наши зрители продуктов горения не унюхают! – легко отмахнулся Максим. – Посмотрите, красота-то какая!

Если не обращать внимания на помойку, вид с обрыва открывался просто замечательный! Внизу волнующимся морем шумел густой темный лес, уступами поднимающийся к горизонту. Над его зубчатой кромкой золотой медалью висела круглая луна и красиво сверкали крупные бриллиантовые звезды. Изредка прозрачную тьму над каньоном пронзали летящие совы.

– Помойку на монтаже затынем густым туманом, и все получится просто супер! – заявил Макс. – Инка, топай на самый краешек!

Я послушно встала на краю обрыва, стараясь не смотреть вниз.

– Супер не получится! – оборвал ликующего Макса оператор. – Все, баста, кина не будет! Луна ушла!

– Куда она ушла? – не понял Макс.

– Туда! – Саша широко махнул рукой, весьма произвольно указывая направление, в котором удалилось ночное светило.

– Но вот же луна, она здесь, мы ее видим! – робко напомнила мамуля, потыкав в планетарный спутник пальцем.

– А она должна быть не здесь, а там! Луна ушла из кадра, – терпеливо объяснил оператор. – Расчетная точка съемки уже не позволяет одновременно захватить и луну, и Инку в полный рост! Либо девушка, либо луна! Или могу Инку

под коленками обрезать, если хотите!

– Не хотим! – поспешно возразила я.

– Так, я понял, Инка слишком высокая! – хлопнул в ладоши Макс. – Так это не проблема, сейчас мы все сделаем!

– Что мы сделаем? – опасливо спросила я и на всякий случай отодвинулась от деятельного Смеловского.

– Заменяю тебя на Аньку, вот что! – победно объявил Макс. – Она гораздо ниже ростом, значит, вполне поместится в одном кадре с луной! Да, Саш?

– Возможно, – сдержанно ответил оператор. – Надо посмотреть.

Подгоняемые нетерпеливым Смеловским, мы с Аней удалились за ближайший ракитовый кустик и переоделись. Аня тихо чертыхаясь, сняла свои джинсы и кофточку и облачилась в непристойный пеньюар. Я помогла своей дублерше повыше подвязать спально-прогулочное одеяние пояском, чтобы полы распашонки не закрывали коленки, и нахлобучила ей на голову белокурый парик. С ним я рассталась с особым удовольствием, потому что он согревал голову не хуже шапки-ушанки.

– В целом сойдет, но ноги коротковаты, – бесцеремонно оглядев костюмированную Аню, постановил Смеловский. – Ты, Анька, на цыпочки поднимись, так лучше будет.

– Так? – через плечо спросила Аня, поднимаясь на носочки и опасно балансируя на краю обрыва.

– Так годится! – ответил Саша. – Все, нормалек, девушка

есть, луна на месте, я снимаю!

– Мотор! – вскричал Смеловский.

– Сам мотор! – в один голос ответили ему мамуля, папуля и Зяма.

– Анька, не шатайся! – сердито крикнул оператор. – Луну закрываешь!

– Да, Анята, не качайся! – прикрикнул и Макс. – Такое ощущение, будто ты собираешься сигануть с обрыва, как Катерина в «Грозе»!

– Что, будет гроза? – Анята завертела головой, осматривая темное небо в редких светлобрюхих тучках.

– Стой спокойно! – гаркнул Саша.

Поздно! Неустойчивый камень юрко выскользнул из-под ноги Аняты и рухнул вниз, а следом, как крыльями взмахнув рукавами пеньюара, полетела и она сама!

– Ма-ма-а-а-а! – истошный вопль затих далеко внизу.

– Боже мой! – Мамуля вскочила на ноги, и освободившийся режиссерский стульчик самопроизвольно сложился с резким стуком, похожим на револьверный выстрел.

Словно по сигналу стартового пистолета, ожили прочие свидетели ЧП.

– Анька, ты где? Ты там жива-ая? – сложив руки рупором, проорал в каньон Макс.

– Такой кадр испортила, балда, убить мало! – злобился безжалостный оператор.

Из-под обрыва не доносилось ни звука.

– Кажется, я ее вижу! Во-он там что-то беленькое чернеет-ся! – сообщил зоркий Зяма, безотлагательно начиная спуск.

Столпившись на краю пропасти, мы в напряженном молчании прислушивались к шумам, сопровождающим движение Зямы. Все глуше и тише из-под обрыва доносились стук скатывающихся камней и шорох осыпающейся земли. Потом раздался крик:

– Эгей! Я ее нашел! Она без сознания, сама наверх не поднимется, понесу кружным путем, через лес!

– Кругом, шагом марш! – привычно скомандовал папуля, устремляясь вдоль постепенно понижающегося обрыва.

Бок о бок с ним побежал Саша. Максим, я и мамуля построились в колонну по одному и порысили вслед за группой отрыва. Марш-бросок продолжительностью в несколько минут завершился у замшелого бревна, на манер мостика переброшенного через заросшую крапивой канаву, в которую превратился мусорный овраг.

По бревну мелкими шажками шел Зяма, держа на вытянутых руках безвольно обмякшее женское тело в некогда белом, а теперь сильно испачканном пеньюаре. Распущенные белокурые волосы подметали бревно. Легкомысленная одежда была пугающе запятнана черным, бурым и красным.

– Это что, кровь? – прошептала мамуля, заметно побледнев.

Страхи в реальной жизни она воспринимает совсем иначе, чем вымышленные кошмары.

– Ужас, летящий на крыльях ночи! – вспомнил Макс.

Зяма сошел с бревна, бережно опустил свою ношу в густую траву и осторожно убрал с лица девушки разметавшиеся белокурые локоны. Папуля подсветил фонариком.

– Минуточку! Кто это? – выражая общее недоумение, вскричал Смеловский. – Зяма, ты кого нам притащил?

– Я думал, это Анята! – пробормотал братец.

– Это не Анята! – возразил Саша.

Это было совершенно лишнее заявление, мы и без того прекрасно видели, что Зяма принес абсолютно постороннюю барышню.

– Ты где ее взял? – продолжал допытываться Макс.

– Да там, на помойке, где же еще! – сказал Зяма таким тоном, словно помойка, полная полураздетых девиц в широком ассортименте, была явлением вполне обычным.

– Интересная у вас помойка! – с оттенком зависти пробормотал Саша.

– Ах, о чем вы тут говорите! – досадливо вскричала мамуля, протискиваясь в первый ряд. – Ну и что, что это не Анята? Девушка тоже нуждается в помощи! Посмотрите же кто-нибудь, что с ней?

– Бася, пропусти меня. – Папуля мягко отстранил мамулю и склонился над незнакомкой. – Так... К сожалению, помочь этой девушке уже нельзя!

– Она мертвая?! – запоздало ужаснулся Зяма.

– Увы! – строго сказал папуля. – Похоже, несчастная упала

с большой высоты и при падении разбила голову. Впрочем, я не специалист.

– Значит, надо вызывать специалистов! – резонно рассудил Саша. – У кого есть с собой мобильник? Живо звоните «ноль-два»!

Испуганно поглядев на мертвое тело, мамуля поспешно сдернула с пояса свой сотовый и протянула его папуле. Папа взял трубку, позвонил в милицию и вступил в затяжной разговор с дежурным.

– Господи, спаси и сохрани! – перекрестился Смеловский.

– Спаси-ите! По-мо-ги-ите! – эхом донеслось из лесу.

– Кто это? Что это? – вскинулась мамуля, схватившись за сердце.

Сгрудившись в кучу и не спеша откликаться на призыв о помощи, мы испуганно всматривались в темноту, только папуля ничего не замечал, будучи всецело занят беседой с милицией.

Зяма проявил смекалку, выхватил у папы фонарик и навел его на дальний конец пешеходного бревна. Рука брата дрожала, пятно света ходило кругами, как нерешительная шаровая молния, не знающая, куда податься.

– Бли-ин! Не слепите меня, а то я снова свалюсь в этот чертов овраг! – послышался плачущий женский голос.

– О, да это же наша Анька! – обрадовался Макс.

Он враз повеселел, забыв о мертвой незнакомке, тихо лежащей в росистой траве.

– Супер, она живая! Анька, ведь ты живая или как?

– Щас как дам кому-то палкой по башке, будешь знать, живая я или нет! – пригрозила Анята.

Она проковыляла по мшистому бревну, опираясь на какую-то корягу. Зяма подскочил к импровизированному мосту и принял пошатывающуюся девушку в свои крепкие объятия, но Анята явно не была расположена к ласкам и энергично высвободилась из сладкого плена.

– Все, мое терпение кончилось! – Угрожающе воздев свой посох, она шагнула к Смеловскому. – То меня голодом мортят, то собаками травят, то вообще на помойку выбрасывают! Нет, с меня хватит! Я увольняюсь!

– Чего так сразу? – миролюбиво поинтересовался Саша. – Давай хоть сначала еще один дубль на обрыве отснимем!

– Еще дубль? – взвизгнула девушка. – Я тебя убью!

– Макс, не дай этой истеричке покалечить ценного работника! – проворно отпрыгнув в сторону, воззвал из темноты оператор.

На его голос, раскручиваясь в полете, тут же полетела палка.

– Анечке нужно срочно снять стресс! – постановила мамуля. – Боря, кажется, у нас есть коньяк?

Папуля молча кивнул, а остальные загомонили, высказываясь в том духе, что стресс необходимо снять не одной Анечке, а всем нам до единого.

– Возвращаемся в дом, – решил наш полковник, вновь

приняв на себя командование.

– А как же она? – Зяма кивнул на бездыханное тело незнакомой девушки.

– Не стоило ее трогать, – вздохнул папуля. – Я предвижу, что оперативники будут очень недовольны!

– Может, быстренько положишь ее на место? – обратился к Зяме Максим.

– Обратно на свалку? Нет уж! – Зяма содрогнулся.

– Я думаю, девушке уже все равно, где лежать, а по помойке опера в любом случае прогуляются, – решил папуля. – Нам же будет удобнее дожидаться прибытия следственной группы в поселке.

Из Зяминого маскарадного плаща мужчины наскоро соорудили примитивные носилки и на них доставили тело на нашу дачу. Аккуратно положили страшный груз на деревянную скамью под яблоней и в ожидании прибытия оперативников старались даже не смотреть в эту сторону.

Избавляясь от стресса, мы быстро и безрадостно приговорили бутылку коньяка, и вскоре даже измученная Аня почувствовала себя гораздо лучше. Это стало понятно по тому, что она наконец обратила внимание на свой безобразный внешний вид и категорически потребовала организовать ей душ и выдать чистую одежду.

Оставшееся до приезда опергруппы время мы ведрами таскали из колодца воду и грели ее в котле над костром.

Толком нагреться вода не успела, потому что оперативни-

ки появились на удивление быстро. Оказалось, что они уже были в Буркове по другому поводу: на другом конце поселка случился пожар, и кто-то из жителей позвонил по «01» и «02» разом. Сгорел один из старых домов, ветхое сооружение из самана, а также надворные постройки – времянка с летней кухней, баня, дощатый сортир и курятник.

– Может, та курица к нам прибежала, спасаясь от пожара? – задумался Зяма. – И попала, бедолага, из огня да в полымя!

Зямино предположение не лишено было вероятности: единственная улица дачного поселка проложена не по прямой, а вдоль русла некогда петлявшей тут речки Бурки.

Если посмотреть на Бурково с высоты птичьего полета, линия домов напоминает подкову. На одном ее конце – сгоревший двор, на другом – наша дача, а между ними – изгиб помойного оврага. Чтобы попасть к нам, перепуганной курице не обязательно было сломя голову мчать по кривой улице, достаточно было перепорхнуть через каньон. Я пожалела о том, что пернатые товарки той курицы не последовали ее примеру: у нас был бы обильный мясной завтрак! Впрочем, хорошо уже то, что пропавшую птицу никто не будет искать. Скорее всего ее сочтут погибшей при пожаре. Печальная участь гусекрада Паниковского нам не грозила.

Впрочем, проявлять интерес к судьбе погорелых кур мы не стали. Некогда было, пришлось самим отвечать на вопросы оперативников.

На редкость любознательные люди эти опера! Наверное, они с раннего детства воспитывались на выпусках тематического киножурнала «Хочу все знать»! Все-то им было интересно: и кто мы, и где мы, и чем занимались этой бурной ночью – в подробностях и с поминутной хронологией.

Как водится, в показаниях мы путались и, уточняя время и детали, то и дело друг другу противоречили. Меня лично сильно отвлекали фоновые вопли Анюты, которая спешно мылась под холодным душем, торопясь вернуть себе приличный вид. Не скажу, что это ей вполне удалось: после купанья Анна стала чистой, зато на ее теле стали хорошо видны многочисленные ссадины и царапины. Повреждения были свежими, и опера поглядывали на них хмуро и подозрительно.

Тесно прижимаясь друг к другу, я, мамуля, папа и Макс сидели на лавочке, как птички на проводе. Аня, зябко кутаясь в одеяло, сгорбилась на складном стульчике. Саша сидел на пенке, обнимая выключенную видеокамеру, как младенца, нуждающегося в защите. Только любопытный Зяма шнырял по двору, стремясь уследить за действиями неразговорчивых «ребят», которые походили на группу опытных индейских воинов, несуетно и со знанием дела следующих по тропе войны.

Живо заинтересовал их большой нож, которым была обезглавлена незабвенная курица. Тесак в пятнах крови быстро упаковали в полиэтиленовый кулечек.

– Ребята, зачем это? – осмелился спросить папуля.

– Да так... – уклончиво ответил ему предводитель командой – хмурый дядька капитан Кошкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.